

Валентин Пикуль

Последний франк короля

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Последний франк короля

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Последний франк короля / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Еще в юности, начиная собирать историческую библиотеку, я впервые прочел статью лейтенанта русского флота А. С. Сгибнева об Августе-Морице (Мауриции) Бениовском; в книге сенатора Егора Ковалевского мне встретился доклад Блудова об этом же человеке, составленный им для императора Николая I. Признаюсь, я лишь поразился приключениям Бениовского, но тем дело и закончилось: мало ли тогда было приключений!..»

© Пикуль В. С.

© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль

Последний франк короля

Еще в юности, начиная собирать историческую библиотеку, я впервые прочел статью лейтенанта русского флота А. С. Сгибнева об Августе-Морице (Мауриции) Бениовском; в книге сенатора Егора Ковалевского мне встретился доклад Блудова об этом же человеке, составленный им для императора Николая I. Признаюсь, я лишь поразился приключениям Бениовского, но тем дело и закончилось: мало ли тогда было приключений!

Шли годы, моя библиотека росла, имя Бениовского стало попадаться все чаще; наконец я составил библиографию на его имя, и она выглядела слишком выразительно – от Эразма Стогова, деда поэтессы Анны Ахматовой, до польского писателя Аркадия Фидлера, который в 1937 году ездил на Мадагаскар, чтобы найти следы Бениовского. Увы, остались две кокосовые пальмы, выросшие над его могилой, но мальгаша забыли свое давнее прошлое и на вопросы Фидлера отвечали, что помнят французских колонизаторов, но ничего не знают о Бениовском.

– Напрасно вы забыли его, – отвечал Фидлер. – Во времена дедушки ваших дедушек он прибыл к вам, и вы сами избрали его своим ампансакабе – великим королем Мадагаскара...

Вряд ли Фидлер говорил, что заодно с Бениовским за свободу мальгашей сражались и русские люди. Я поспрашивал своих приятелей, что они думают о Бениовском, но все отвечали:

– Бениовский? А кто это такой?..

Приходилось объяснять: Бениовский в свое время взбаламутил двор Версаля, задал хлопот и русской императрице; Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин считали его своим другом; морская слава Бениовского соперничала со славою Лаперуза и даже Кука; до сих пор польские, французские, венгерские и английские историки изучают жизнь этого странного человека.

– Наконец, – говорил я, – среди шахматистов известен особый «мат Бениовского», завершающий победу, ибо Бениовский был гением шахматной игры, соперничая с великим Филдором...

Между тем библиография о нем за долгие годы расширилась, пугая меня обилием материала; к работам прежних историков прибавились и статьи наших следопытов, открывающих тайны в дебрях прошлого. Я понял: сведений о Бениовском вполне достаточно на большой авантюрный роман, а мне следовало уложиться в несколько страниц. Тут я вспомнил добрый завет классика Алексея Толстого: «Писать могут и подмастерья, а вычеркивать только мастера». Я безжалостно вычеркивал фразы и сокращал абзацы, но судить о моих стараниях предоставляю читателю.

Итак, летом 1769 года генерал-прокурор князь Вяземский принял у себя шхипера иностранного судна.

– Чем вы так встревожены? – спросил вельможа. – Или вас замучили крысы, набежавшие с берега, или вам не удалось продать товары, привезенные в Петербург из далеких стран?

– На борт моего галиота, – объяснил шхипер, – заявили вдруг два английских матроса, якобы проспавшие в трактире отплытие своего корабля, и слезно просили меня принять их в число пассажиров, дабы выбраться из России поскорее. Я подозреваю их в недобрых намерениях. Сами знаете, каковы сейчас моряцкие нравы: поднимут бунт на корабле, а меня, капитана, отправят за борт, чтобы акулы не остались без завтрака...

Жена, прочтя эти страницы, вмешалась в мою работу:

– Ты вправе сокращать текст, но разве можно сокращать жизнь человека? Прежде всего ты хотя бы вкратце рассказал читателю, откуда взялся этот загадочный Бениовский...

Он родился в словацкой деревушке Вербово в нынешней Венгрии; не поладил с братьями при разделе имущества и в перестрелке с ними отвоевал наследство; сражался в рядах

конфедератов против короля Станислава Понятовского, был ранен и пленен, но отпущен «на честное слово», что больше не возьмется за оружие. Затем, скрываясь от венских властей, бежал в Высокие Татры; там в него влюбилась девица Сусанна Генская, они отпраздновали свадьбу в погребе, где он прятался от сыщиков; вскоре, оставив молодую жену, Бениовский пропал бесследно и был снова обнаружен среди пленных конфедератов. Как нарушившего «честное слово», его выслали на жительство в Казань. «Почему такая жестокость?!» – возмутился Бениовский, но получил ответ: «Не жестокость, а самая последняя мода! Мы ссылаем в Россию только тех поляков, кои не сдержали честного слова...» Один из конфедератов писал в своих анонимных мемуарах, что Бениовский «выдал себя в Казани за лютеранина, получая щедрую поддержку от мнимых единоверцев. Хорошо зная химию, он подружился с местным ювелиром и так удачно повел свои дела, что нажил значительное состояние. Это был человек не только отлично воспитанный, владевший несколькими языками, но чрезвычайно сметливый и изворотливый. Генерал-губернатор полюбил его общество и часто приглашал его к своему столу...»

Генерал-прокурор Вяземский сказал шхиперу галиота:

– Вы не ошиблись в своих подозрениях. Сомнительные «англичане», просившиеся в пассажиры, уже арестованы нами. Это оказались конфедераты – швед Винблан и Бениовский, особенно опасный, ибо в свои двадцать три года успел сделаться полковником. Его дерзость вызывает удивление: для побега из России он избрал столицу нашей империи. Если им не жилось на казанском раздолье, то теперь предстоит прогулка через всю Сибирь по этапу, дабы они очутились на Камчатке...

Узнав об этом решении русских властей, Адольф Винблан заплакал, а Бениовский, сохраняя спокойствие, спросил:

– Камчатка? Не слишком ли суровое наказание для человека, пострадавшего от пресыщения обедами казанского губернатора?

– Нет, – отвечали ему. – Теперь вы можете поститься в доме камчатского коменданта Григория Нилова...

Сибирские остроги издавна были забиты колодниками, а Камчатка служила местом ссылки государственных преступников. Человек, попадавший на Камчатку, пропадал для всех, словно его мать и не рожала. Случались иной раз прямо-таки нелепые случаи! Бывало, Петербург запрашивал власти Иркутска – за что сослан на Камчатку прапорщик Петр Ивашкин? Иркутск перекачивал столичный запрос в Охотск, оттуда делали запрос в Большерецке, в чем вина колодника Ивашкина. Тогда комендант шел прямо на дом к этому Ивашкину и спрашивал его:

– Слушай, а за что ты попал сюды?

Ноздри из носа Ивашкина были изъяты клещами палача.

– Сам хочу знать о том, – отвечал Петр Ивашкин, уже одряхлевший от старости. – Ежели и была за мною какая вина, так за давностью лет я тую вину позабыл напрочь.

– Тебя освободить намерены, яко невинного.

– А на што мне нонеча свобода ваша дурацкая? Лучше бы казна пять рублей дала, мне на погребение деньги сгодятся...

Вот в такие-то гиблые края, откуда нет возврата, предстояло ехать конфедератам. Не одни ехали! Собралась целая партия политических преступников. Был гвардии поручик Василий Панов, жестоко бранивший царицу, полковник артиллерии Иоасаф Батурин, давний узник Шлиссельбурга, желавший заточить Елизавету в монастырь, и верейский помещик Ипполит Степанов, который в Комиссии Нового Уложения резко критиковал императрицу, порвав ее «Наказ» обществу, за что тоже заработал Камчатку (это был дед П. А. Степанова, известного друга Глинки и Брюллова, карикатуриста-искровца, женатого на сестре композитора А. С. Даргомыжского)... Компания собралась – хоть куда! Все грамотные, бывавшие в переделках, и в Тобольске генерал-губернатор Денис Чичерин расковал их от кандалов, закатил им пир, как

лучшим друзьям. Весь путь от Петербурга до Камчатки занял полтора года. Бениовский пользовался общим авторитетом.

– Бежать с Камчатки можно лишь морем, – рассуждал он.

– Эва! Да кто же из нас с парусами управится?

– Я, – отвечал Бениовский, – ибо мне привелось учиться в морских школах Гамбурга и Плимута, я плавал на кораблях негоциантов, навигация и астрономия мне известны.

– Дальше России не уплывешь, – возражал Степанов.

– А мир широк, – намекал Бениовский...

Под конвоем добравшись до Охотска, ссыльные тут и зимовали до открытия навигации, чтобы весною плыть к вулканическим берегам Камчатки. Местный начальник Федор Плениснер, когда-то плававший еще под флагом самого Витуса Беринга, знал все края как свои пять пальцев от Аляски до Анадыря, и он не скрывал, что сейчас на Камчатке воцарились нужда и безлюдье.

– За год до вашего визита, – рассказывал Плениснер, – две беды обрушились на Камчатку. Поначалу с какого-то корабля напала на жителей оспа, сожравшая сразу шесть тыщ человек, особенно камчадалов да коряков, а потом что-то случилось с рыбой: не пошла в реки косяком нереститься, хоть ты плачь! А рыба для Камчатки – хлеб насущный, так что, господа преступники, ешьте до отвала в порту Охотском, ибо в Большерецке жевать нечего, там едино водкою люди сыты бывают...

Большерецк был тогда столицей Камчатки, и на вопрос Бениовского, велика ли эта столица, Плениснер отвечал:

– Громадный город! Одних избышек тридцать пять наберется. А жителей – человек сто насчитать можно. Мы там содержим могучий гарнизон: семьдесят казаков, из числа коих только четырнадцать на ногах, другие – старцы немощные да детишки...

Бениовский подговаривал друзей по несчастью:

– Когда поплывем на Камчатку, можно офицеров всех повязать, а самим плыть до владений испанского короля в Америке.

– Хорош я буду испанец из деревни верейской, – злобился Ипполит Степанов. – Курносых в Мадрид не пускают...

Замысел о бунте отпал сам по себе, ибо преступников посадили на корабль «Св. Петр» лишь в конце лета, когда близились осенние бури. Во время шторма мачту переломило, повредив капитану руку, и тогда Бениовский сам встал возле штурвала.

– Доверьтесь моему опыту, – сказал он капитану. – Я ведь знаю все ваши румбы и вас не подведу...

Но противный ветер гнал их от зюйда, и поневоле приходилось держать курс на север – в ссылку! «Св. Петр» прибыл в Большерецк 12 сентября 1770 года. Новых ссыльных встречали старожилы. Гвардии капитан Петр Хрущев и поручик Семен Гурьев, желавшие свергнуть Екатерину II с престола. Были и ветераны каторги. Андрей Турчанинов, бывший камерлакей, томился на Камчатке с 1742 года. Язык у него вырвали, чтобы не болтал лишнего. Хотел он ночью зарезать императрицу Елизавету, яко «незаконную», ибо на престол взошла с помощью пьяных гвардейцев. Вышеупомянутый Петр Ивашкин тоже выполз на пристань. Он только вздыхал и спрашивал:

– Вы хлеба не привезли? Мне бы хлеба ржаного вволю покушать, и опосля чего и помирать можно...

При этом он показывал хлеб камчатский, выпеченный из рыбы, перетертой в муку. Старца бережно поддерживал отрок, сын большерецкого попа, назвавшийся Ваней Устюжаниновым.

– Пропадешь ты здесь, – пожалел Бениовский парня.

– Коли сытый, так с чего пропадать мне?

– Человек не сытостью, а разумом славен...

Предстояло знакомство с капитаном Григорием Ниловым, который принял новичков в своей канцелярии. Комендант был горьким пьяницей, но обладал громадной физической силой, почему и держался на ногах. Он сказал, что у него есть сыночек:

– Дурак дураком растет! Ибо на Камчатке где учителей сыщешь? Кто из вас, господа, согласен учить его наукам полезным, а также французскому говорению?

Бениовский вошел в дом капитана Нилова как учитель его сына, заодно с ним начал учить и поповича Ваню Устюжанинова, восплававшего к учителю чистой юношеской любовью. Бениовский сумел понравиться коменданту Нилову.

– Сознайся, кто ты есть таков, по совести.

– Невольник ваш, а раньше был генералом...

Общаясь с большевецкими жителями, Бениовский вел себя совершенно иначе. С таинственным видом он показывал им большой пакет из зеленого бархата с какой-то печатью, говорил, что сослан за дружбу с наследником престола Павлом Петровичем:

– Цесаревич влюблен в дочь венского императора, я вез из Вены этот пакет, но был схвачен по указу императрицы Екатерины, и вот оказался здесь. Жду! Скоро все переменится...

Нилов поместил Бениовского на квартире Петра Хрущева, который попал на Камчатку за желание вырезать всех братьев Орловых, управлявших Екатериною II как им хотелось. Хрущев был человек отличного ума, больших познаний. Взаимно они мечтали завести в Большерецке школу для камчадалов, чтобы учить их русскому языку и математике, сообща делились знаниями. Чтение книги пирата и лорда Ансона о кругосветных путешествиях направило их мысли подалее от камчатской юдоли.

– Одна репа да водка! – тосковал Хрущев. – А как хочется подышать благовонием райских островов, где блаженные дикари, стыда не ведая, нагими бегают в чащах тропических... Я уже скоро десять лет тут гнию, неужто здесь и подохну?

– Тебя все знают, к тебе давно привыкли, поговори с людьми. Неужели здешние обыватели совсем закоsnели в дикости и никто из них не желает вкушать прелестей райской свободы?..

Так начал вызревать заговор. Но вовлеченные в тайну будущего побега с Камчатки вели себя очень скрытно, лишь ожидая случая, чтобы открыть путь к свободе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.